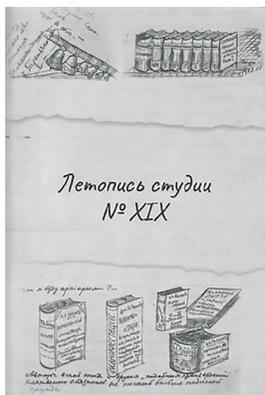

РЕЦЕНЗИИ

ЛЕТОПИСЬ СТУДИИ № XIX

Публикация текста / составители, авторы
вступительной статьи, комментариев
А. Д. Тумаков, Н. А. Асяева. Казань: Центр печати
«Линк», 2025. 356 с.: ил., портр., факс.; 22 см.
ISBN 978-5-94844-334-5

Статья поступила в редакцию 5.8.2025 г.

УДК 27-732 (470.41-25) "19"
DOI: 10.31802/GB.2025.59.4.019

Студенческая социальная сеть начала XX в.

Мемуары — источники личного происхождения — пожалуй, самый захватывающий материал, с которым сталкивается историк в своей работе. Воспоминания, написанные на склоне жизни, открывают личный взгляд человека на целые этапы его пути, переписка — переживания за короткий промежуток времени, дневник — часто отражает образ своего создателя «в моменте».

Особое место в таких материалах занимает период юности человека, позволяющий понять становление автора мемуаров. Всегда интересно читать о первых размышлениях будущего великого богослова или ранних опытах великого аскета. Начало XX в., чрезвычайно богатое на письменную традицию, приоткрывает для читателя и тайну личной жизни святых: многие новомученики активно писали письма или вели подённые записи. В таких текстах черта за чертой формируется иконописный образ будущего святого, но видно и то, что остаётся за рамками житийного портрета.

Иногда среди личных документов встречаются поистине уникальные, позволяющие проникнуть в культуру целой группы молодых людей, познакомиться с их обычаями и даже с коллективными представлениями о должном и невозможном.

В 2025 г. в Казани увидела свет публикация коллективного дневника студентов Казанской духовной академии периода Первой мировой войны — «Летопись студии № XIX».

Бесценный документ был выявлен исследователями среди материалов уголовного дела одного из бывших студентов Казанской академии Николая Николаевича Дьяконова. Академисты, проживавшие в комнате № 19, почти ежедневно пополняли тетрадь своими впечатлениями, переживаниями, репликами и рисунками. Доступ к тетради имели все жители комнаты. В итоге получился самый настоящий коллективный дневник тринадцати студентов Академии, напоминающий сегодняшние многочисленные «чаты» и «форумы». «Летопись» фиксирует жизнь академистов на протяжении одиннадцати месяцев 1915 года.

Несмотря на коллективный характер документа, дневник носит глубоко личный для сообщества жильцов «19 номера» характер. На страницах публикации есть прозвища, которые носили студенты в своём кругу, шутки «для своих» и даже размышления о характере и склонностях отдельных авторов «Летописи».

Тематика коллективного дневника студентов Казанской академии весьма разнообразна. Их быт и досуг открывается в летописи как нельзя лучше. Текст полон красочными описаниями подробностей повседневной жизни академистов. Например, весной один из авторов дневника сообщает о повальном увлечении игрой в шашки:

«Начиная с Пасхи, наша студия увлекается игрой в шашки. Играют с азартом. Возле игроков собирается целая куча зрителей, которые не остаются безучастными и постоянно вмешиваются в игру криками: “Народ!!”, “Секи!!”, “Секи тю-эй!” (sic!), “Ешь, ешь!! Секи!! Я говорю, секи!! Не так, да нет!! Поди вот так! Вот так! Да нет, сядь ты в калошу!!”»¹

Учебная и бытовая жизнь академистов отразилась в фиксации учебных будней как в аудиториях, так и в комнате, общий стол которой становился центром внеучебной подготовки. Помимо портретов педагогов, процесса сдачи экзаменов и труда по подготовке письменных работ, в текст «Летописи» попали и хитрости, которые характерны для каждого поколения студентов. Вот описание решения некоторыми казанскими академистами традиционной для студента проблемы: пора сдавать очередную письменную работу, а она не вполне готова.

1 Летопись студии № XIX. Публикация текста / сост., комм. А. Д. Тумаков, Н. А. Асеева. Казань, 2025. С. 71.

«П.А.Т. [Павел Алексеевич Троицкий. — *П.Л.*] исчез в больницу: не имея больше права на отсрочку, объявил себя больным. В.А.В. [Василий Александрович Васильев. — *П.Л.*] получил телеграмму от дедушки с того света: пишет, что заболел и находится при смерти. Академич<еское> начальство отпустило В.А.В. навестить умирающего, живущего за 30 вёрст от Казани. Чтец Церкви Божией взял черновик семестрия [семестровое сочинение — тип письменной работы в дореволюционных духовных академиях. — *П.Л.*], книги и направился к дедушке, которого он нашёл в кабинете дяди в Лобачевском переулке. По прошествии трёх дней В.А.В. обещал вернуться в Академию вместе с дедушкой и семестром [семестровым сочинением. — *П.Л.*]»².

Конечно, авторы дневника не обходят вниманием и общественные темы. Их живо интересуют современные события, которые фиксируются на страницах «Летописи» с соответствующими комментариями. Вот как один из академистов прокомментировал слухи о студенческих беспорядках:

«Принесли весть о забастовках студентов. Причины указывают разные. Одни утверждают, что студенты требуют прекращения войны; по другим — они восстают против призыва. У нас это известие встречено молчанием, лишь П.А.Т. [Павел Алексеевич Троицкий. — *П.Л.*] заявил, что сейчас не время забастовкам. Из достоверных источников сообщается такая версия о мотивах студенческой забастовки: студенты отказываются идти воевать до тех пор, пока не будет назначено правительство, пользующееся общественным доверием, пока не наладятся порядки в деле снабжения армии и вообще пока в России не будет той безалаберщины [подчёркнуто в тексте. — *П.Л.*], которая царила до сих пор. Мотив, конечно, весьма основательный. “Идти на войну сейчас, говорили студенты, значит быть ни более, ни менее как пушечным мясом”»³.

«Родная» для студентов духовной школы тема церковного переустройства иногда приобретает достаточно радикальные формы обсуждения на собраниях.

«... Лапин произвёл фурор. — Описывает свои впечатления от заседания кружка один из академистов. — Доказывал неканоничность современ<ного> устройства русской церкви. Епископы — “гастролёры” [автор имеет в виду частые переводы архиереев с кафедры на кафедру, характерные для поздней Синодальной эпохи. — *П.Л.*]. Приход — даже не куча камней: камень вытащишь — другие пошевелятся;

2 Летопись студии № XIX. Публикация текста... С. 41–42.

3 Там же. С. 95.

а в приходе — вырывают одного члена, и никто ничего. Церковь совершенно лишена автономии, что доказывает хотя бы последнее дело Варнавы⁴, где сказалось влияние “проходимца” Распутина и др<ругих> тонких нитей. Духовный регламент не рассматривался епископатам. От епископов Пётр потребовал лишь подписи, причём с этими требованиями разъезжали не какие-либо уполномоченные от какого-нибудь собора, и даже не кроткие светские чиновники, а свирепые царские бомбардиры и полковники»⁵.

Неформальный характер документа подчёркивает свойственная личным дневникам как источникам (так и настроению молодых людей, его создававших) ироничность по отношению ко всему на свете, иногда доходящая до сарказма. В некоторых случаях присутствует игривость, которую в более серьёзном разговоре можно было бы воспринять и как святотатство.

«Было после ужина велие утешение братии, — записал один из академистов. — Подобно тому, как в середине Великого Поста износится Крест для поклонения и нравственной поддержки, нам было предложено обильное яствами услаждение. Виновник торжества Володя Г<олубев>. Мы пришли и поклонились богу чревуоудия... Паша Тр<оицкий> до того наелся, что уже не мог соображать. Настроение было “торжественное”, ели со вниманием и ожесточением — так наголодались за предыдущие недели поста»⁶.

Через три дня последовала другая запись, в которой шутиливо освещалось состояние здоровья одного из студентов:

«Получена экстренная телеграмма из академич<еской> больницы: “Благополучно разрешился от бремени 12 аршинным солитером студ<ент> III курса Понтий Кузнецов. Роженица вполне здорова. Ново-рожденный приказал долго жить”»⁷.

Перед читателем «Летописи» проходят известные церковные деятели: архиеп. Иаков (Пятницкий), еп. Феодор (Вашинский), еп. Ефрем (Ефремов), священник Василий Кожин (будущий митрополит Гермоген), В. С. Виноградов (впоследствии профессор Московской духовной академии). Описание некоторых случаев предвосхищает будущую судьбу церковного деятеля. Во время подготовки памятного альбома выпускников

4 Имеется в виду обсуждение в Синоде поступка еп. Варнавы (Накропина). Еп. Варнава в своей епархии объявил во святых митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна (Максимовича), не обсудив в Синоде перспективы канонизации (что требовалось в порядке канонизации того времени).

5 Летопись студии № XIX. Публикация текста... С. 103.

6 Там же. С. 31.

7 Там же. С. 31–32.

случился скандал вокруг личности свящ. Василия Кожина, будущего обновленческого митрополита, зафиксированный в «Летописи»:

«После обеда сходка в № 22. Главным вопросом был фотографический вопрос... тут замешались отцы, к^{ото}рые внесли новую комбинацию. Дело в следующем. В^{адимир} Ив^{анович} Голубев решительно отказался сниматься, если курс снимется с о^{тцом} Кожиним. Поэтому курсу нужно было выбрать между Кожиним и Голубевым. Большинство против одного высказались против Кожина. А т.к. нек^{ото}рые отцы просили снимать и Кожина, то опять возникает вопрос: будут ли сниматься отцы, раз не буд^{ет} Кожина»⁸.

Публикаторы «Летописи» провели огромную работу по подготовке документа к выходу в свет. Коллективный дневник казанских академистов снабжён основательной вступительной статьёй, раскрывающей историю создания и особенности источника, подробнейшими комментариями касательно персоналий, упоминающихся на страницах «Летописи», и правильного понимания некоторых фраз. Даже такие мелочи, как специфические фразы студенческого жаргона или мелодии песен, не ускользнули от внимания публикаторов. Наконец, публикация снабжена именным указателем, что значительно облегчит научное исследование источника. В публикации «Летописи» приводятся даже рисунки, сделанные руками её авторов: толстенные фолианты, с именами авторов дневника и фантастическими названиями на корешках и обложках, шаржированные портреты жителей «студии».

Позаботились издатели и о тщательной реконструкции биографий жильцов 19-й студии, которая расставляет особенные акценты: среди авторов дневника несколько человек, претерпевших гонения и гибель за веру в годину советского лихолетья. Благодаря дневнику, образ последних дореволюционных студентов духовных учебных заведений вырисовывается не только чертами свидетелей веры, твёрдо несущих свои убеждения через препятствия жизни. «Летопись студии № XIX» открывает перед читателем людей сурового XX в. с другой стороны. В документе, как в коллективном фото, отражены живые, беззаботные, весёлые студенты. Они шутят и ругаются, переживают первые трудности и успехи, радуются жизни и грустят из-за «двойки» на экзамене. У них ещё так много впереди. Эти портреты имеют не много сходства с житийным канонем, но именно так и начинаются биографии людей, о которых потом говорят как о героях.

8 Летопись студии № XIX. Публикация текста... С. 102.

Найти уникальный источник, подобный «Летописи студии № XIX», — большая удача. Но факт попадания такого источника в руки заинтересованных в его обнаружении квалифицированных исследователей, которые осуществят публикацию, — уже не просто удача, а перст Божий! Хочется выразить огромную благодарность тем, кто участвовал в издании «Летописи» и пожелать им дальнейших счастливых открытий и новых интересных материалов!

Библиография

Летопись студии № XIX. Публикация текста / сост., комм. А. Д. Тумаков, Н. А. Асяева. Казань, 2025.

Павел Евгеньевич Липовецкий

кандидат богословия

доцент кафедры церковной истории

Московской духовной академии